

THE STORY OF GILGAMESH AND THE SYMBOLISM
OF INITIATION

by Ye. G. Rabinovich

The author discusses the mythological base of the Epic of Gilgamesh. Seven of the eleven tablets on which the poem is inscribed are occupied by two wanderings of Gilgamesh which are usually regarded as distinct. The author proposes a single interpretation of both journeys as shamanistic progressions along the world axis. The interpretation is supported by the fact that Gilgamesh is the favourite of the shaman god Samash. The author contends that the tale represents a variant of shaman initiation, the initiation of a legendary shaman divinity comparable with Orpheus. This accords with the later worship of Gilgamesh as the judge of the lower world and defender against demons. The story of the initiation of Enkidu, representing the initiation of all mankind, serves as prologue to the tale of the initiation of Gilgamesh. But if in the case of Enkidu this marks progression from the animal to the human state, for Gilgamesh it means regeneration from the profane state. Thus the poem describes a progression from the state of nature to that of civilisation, from the profane to the sacred state. The conflict between Gilgamesh and Ishtar is part of this general picture, a particular instance of the opposition between sacred and profane, between the civilised and natural states, between cosmos and chaos. The author concludes by pointing out that the mythological notions expressed in the poem are described, in telescoped form, by the semantic field of the root «brj» on which the word «bārû» is based.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЮБОВНОГО ЧУВСТВА
В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

Среди многочисленных работ, посвященных изображению человека в гомеровском эпосе¹, до сих пор нет, насколько нам известно, специального исследования лексических средств, используемых в «Илиаде» и «Одиссее» для изображения любовного чувства². Между тем конкретно-историческая характеристика гомеровского человека остается неполной, пока не изучена столь значительная сторона его человеческой сущности. В настоящей статье ставится задача рассмотреть сферу употребления «любовной» лексики в гомеровском эпосе. Для понимания того, в каком направлении изменяются ее значения, привлекаются также гомеровские гимны и поэмы Гесиода³.

В известной работе Шмидта по синонимике латинского и древнегреческого языков⁴ в гнездо, охватывающее любовь и ее проявление, включены три имени (ἔρωρ, εἰδία

¹ Важнейшие из них (до начала 60-х годов) см. в статье V. J a r c h o, Zum menschenbild der nachhomerischen Dichtung, «Philologus», 112, 1968, стр. 147, прим. 1. К литературе, упомянутой в статье В. Н. Ярхо, за последнее время прибавилось немного. Отметим здесь только: J. R u s s o, B. S i m o n, Homeric psychology and the oral epic tradition, «Journal of the history of ideas», 1968, т. 29, № 4, стр. 483—498; J. W a r d e n, Ψυχὴ in Homeric death-description, «Phoenix», 1971, т. 25, № 2, стр. 95—103; Yale Class. Studies, т. 20, 1966.

² Диссертация Нормана (Fr. N o r m a n n, Die von der Wurzel gebildeten Wörter und die Vorstellung der Liebe im Griechischen, Münster, 1952) касается только одной группы слов, имеющих отношение к нашей теме, причем слова этой группы служат в основном для обозначения дружеской связи.

³ Текст Гесиода дается в его традиционном составе, без выделения предположительных интерполяций, в определении которых среди издателей нет единогласия. Фрагменты Гесиода указываются по изданию: Hesiodi fragmenta, ed. R. Merkelbach et M. L. West, Oxonii, 1967.

⁴ J. H. H. S c h m i d t, Handbuch der lateinischen und griechischen Synonymik, Lpz., 1889.

φιλότης) и четыре глагола (ἀγαπάω, ἐράω, στέργω, φιλέω). В данной статье στέργω и φιλία не рассматриваются, так как у Гомера они не встречаются, но рассматривается не включенное Шмидтом в эту группу гнездо, связанное со словом ἡμερος, которое Гомер употребляет наряду с φιλότης и ἐρως. Следовательно, мы рассматриваем глаголы ἀγαπάω, ἐράω (у Гомера ἐραλά), ἡμίρω, φιλέω и другие слова от тех же корней, встречающиеся у Гомера⁵).

Ἀγαπάω И ОБРАЗОВАНИЯ ОТ НЕГО

Шмидт в названной работе указывает: «Ἀγαπάω обозначает «любовь», которая происходит из разумного соображения, основанного на оценке, определении вещи. Мы встречаем ἀγαπάω, употребленное в смысле «примириться с чем-то», когда речь идет о чем-то плохом, которое кажется терпимым, если его сравнить с чем-то более плохим, или в смысле «удовлетвориться чем-то», если речь идет о хорошем или вообще достижимом, которому можно противопоставить лучшее или более достижимое» (стр. 762, 763). В тексте поэм встречаются глаголы ἀγαπάω и ἀγαπάζω, из них второй появляется только однажды в «Илиаде» (XXIV, 464) в значении «оказывать покровительство» (бог — смертному). В «Одиссее» же он употребляется всегда в значении «радушно, ласково принимать», «приветствовать», «ласкать» (VII, 33; XVI, 17; XVII, 35 = XXI, 224 = XXII, 499). Ἀγαπάω встречается всего дважды, оба раза в «Одиссее» в значении «радушно, ласково принимать» (Пенелопа — Одиссей — XXIII, 214); «быть довольным» — женихи упрекают Одиссея в том, что он не довольствуется разрешением присутствовать за столом, но еще и хочет попытаться натянуть лук (XXI, 289). Следовательно, глагол ἀγαπά(ζ)ω встречается в текстах редко: всего восемь раз, включая три повторяющихся стиха. Основным значением для него, по-видимому, является «радушно, ласково принимать», при этом предполагаются конкретные проявления чувств. Интересно, что, за исключением одного случая (феаки не любят принимать чужеземцев — Od. VII, 33), встреча всегда сопровождается слезами от волнения. В том же значении встречается глагол ἀμφαγαπάζω (Il. XVI, 192; Od. XIV, 381; h. Dem. 290, 436, 439).

Отглагольное прилагательное ἀγαπητός («милый», «любимый», т. е. «тот, с которым ласково обходятся») встречается всего пять раз (Od. II, 365; IV, 727, 817; V, 18; Il. VI, 401), причем всегда при существительном παῖς (один раз — при τέκνον). Так, παῖς ἀγαπητός для Гектора и Андромахи — Астианакт (Il. VI, 401), для Пенелопы, Афины, Евриклеи — «возлюбленное дитя» — Телемах (Od. II, 365; IV, 727, 817; V, 18). По-видимому, следует предположить, что первое значение ἀγαπητός — «тот, который с радостью был принят (при рождении)».

Наконец, в поэмах встречается сложное слово ἀγαπήνωρ как эпитет героев. К сожалению, контекст не дает возможности уточнить его смысл (Il. VIII, 414; XIII, 756; XV, 392; XXIII, 113, 124; Od. VII, 170). Словари толкуют его по-разному: Канлиф — как «проявляющий доброту к товарищу», «учтивый»⁶, Эбелинг — как «virtutis amans»⁷, так же его толкует и Шантрен, полагающий, что ἀγαπήνωρ уже в древности понималось как ἀγαπῶν τὴν ἀνδρείαν⁸.

В целом слова группы ἀγαπάω у Гомера еще достаточно редки (24 раза, включая три повторяющихся стиха), однако можно все-таки определить, что глагол ἀγαπά(ζ)ω прежде всего означает «радушно, ласково принимать»; именно из него развиваются все другие значения самого глагола и образований от него. При нем никогда не встречаются определения⁹, так как сам глагол эмоционально окрашен: не просто «принимать», а «ласково, радушно, с радостью». Если в производных ἀγαπητός, ἀγαπήνωρ и появляется значение «любить», то отнюдь не для обозначения чувственной любви.

⁵ Этимологию, как правило, мы оставляем в стороне — она не везде достоверна, всегда вызывает споры и, главное, мало что объясняет в употреблении того или иного слова.

⁶ R. J. Cunliffe, A Lexicon of the Homeric dialect, Norman, Univ. of Oklahoma press, 1963 s. v.

⁷ H. Ebeling, Lexicon Homericum, Lipsiae, 1880, s. v.

⁸ P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, P., 1969, s. v.

⁹ Исключение: h. Dem. 439 — при ἀμφαγαπάζω уточнение πολλά.

ἔρμαι и ЕГО ГРУППА

Для ἔρμαι словари дают следующие значения: 1) «страстно желать»; 2) «страстно любить, быть влюбленным». В поэмах глагол употребляется восемь раз, трижды — в гимнах. В четырех случаях глагол имеет значение «страстно желать» (πολέμω II. IX, 64; XVI, 208; κρέαω h. Merc. 130¹⁰; ἔδρω h. Dem. 129), в остальных семи случаях служит для обозначения любовного чувства. Субъект и объект при этом самые разнообразные: Зевс — Гера; Зевс — жена Иктиона; Гермес — Полимеда; Парис — Елена; Тиро — Энипей, бог реки; Борей — кобылицы. Обязательное при этом физическое сближение обозначается глаголами παραλέγωμαι, μίγνυμι. Последствием такого отношения, за исключением одного случая (Парис — Елена), является рождение ребенка. При этом трижды встречается слово с корнем εἰλ-. Определения при глаголе нет, так как он эмоционально окрашен — «страстно желать», «страстно любить». Чувство налетает внезапно и совершенно не зависит от воли субъекта; может быть поэтому употребляется только ἔρμαι, а не ἐράω. Шмидт указывает (ук. соч., стр. 756), что ἐράω обозначает «более теплое чувство», чем ἀγαπάω. Между тем у Гомера эти глаголы служат для обозначения разных чувств: ἀγαπάω — «радушно, ласково принимать», ἔρμαι — «страстно желать», «страстно любить».

Для существительного ἔρωc (у Гомера преимущественно в форме ἔρωc) словари дают два значения: 1) «склонность, стремление к чему-то»; 2) «любовь, желание». В текстах встречается 34 раза, из них 24 — в формуле насыщения, обозначающей окончание трапезы: πόσις καὶ ἔδῃτύος ἐξ ἔρον ἐντο — 22 раза (II. I, 469 = II 432 = Od. III, 67 = XVII, 99 и т. д.); σίτοις μελίφρονος ἐξ ἔρον ἐντο (ἦσθε) — 2 раза (Od. XXIV, 489; h. Ar. 499). Эта же формула, несколько измененная, служит для обозначения удовлетворения, насыщения вообще, например, о погребальном плаче (γῶος II. XXIV, 227). Но особенно интересны стихи II. XIII, 636—638: ὕπνῳ καὶ φιλότῃτος, μολπῆς τε γλυκερῆς καὶ ἀμόμονος ὀρχηθμοῖο, ... ἐξ ἔρον εἶναι, где в качестве объектов такого насыщения на равных правах названы сон, сладкие песни, пляски и φιλότῃτος, о значении которого нам еще предстоит говорить. Таким образом, основное значение ἔρωc — «желание», «физическая потребность». В этом смысле не составляет исключения употребление ἔρωc для обозначения чувственной любви (четыре раза в поэмах, три раза в гимнах). В пяти случаях названы конкретные субъект и объект: Парис — Елена (II. III, 442), женихи — Пенелона (Od. XVIII, 212), Анхиз — Афродита (h. Ven. 91, 144), Зевс — какая-нибудь богиня или женщина (II. XIV, 315). Обобщенно, т. е. без указания субъекта и объекта, употреблено ἔρωc в Гимне Гермесу (ст. 449) — искусство пения дает сразу εὐφροσύνην, ἔρωτα, ἦδονον ὕπνον, причем здесь можно, по-видимому, понять ἔρωc как удовольствие, наслаждение¹¹. ἔρωc — любовное чувство охватывает сразу, вдруг, причем объект должен быть в этот момент очень красивым; собственно только красота и вызывает ἔρωc. Именно поэтому Афродита, приглашая Елену к Парису, говорит о его красоте (II. III, 390—394), Афина делает Пенелону красивой перед выходом к женихам (в XVIII книге «Одиссеи»), Гера и Афродита украшают себя для встречи с Зевсом и Анхизом¹². Как

¹⁰ В соединении с гетивом того же существительного κρέας встречается причастие от глагола ἐρατίζω «желать» (κρεῖων ἐρατίζων «жидный до мяса» — II. XI, 551; XVII, 660; h. Merc. 64, 287).

¹¹ Употребление ἔρωc в Гимне Гермесу особенное, нельзя без всяких сомнений отнести его ни к «насыщению», ни к «чувственной любви». О ст. 449 сказано выше. Еще более затруднительно определить значение ἔρωc в ст. 434: это сказано об Аполлоне, который, услышав игру на лире и пение Гермеса, решил жить с ним в мире и дружбе. ἔρωc употреблено, может быть, потому, что это чувство охватило Аполлона внезапно, вдруг. Возможно, ἔρωc употреблено здесь не в значении «любовь», а как синоним «наслаждения», «удовольствия».

¹² Интересно в связи с этим замечание Подбельского: «В туалете Геры можно констатировать прямую аналогию с описанием вооружения героев... В случае с Афродитой имеет место полная связь между видом богини и развитием ситуации» (H. P o d b i e l s k i. La structure de l'Hyimne homérique à Aphrodite, Wrocław, 1971, стр. 43).

и при ἔραμαι, при ἔρωξ обязательно физическое сближение. В поэмах ἔρος — «чувственная любовь» — обязательно действует на φρήν или θυμός. Ἐρως φρένας ἀμφεγάλυψεν — «любовь помрачила ум» (II. III, 442); ἔρος θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι περιπροχυθεὶς ἐδάμασσεν — «разлившаяся в сердце любовь укротила душу» (II. XIV, 315 сл.); τῶν δ' αὐτοῦ λυτο γούνατ'α, ἔρω ἰάρα θυμὸν ἐθελχθεν — «у них ослабели колени, душа увлечена любовью» (Od. XVIII, 212). При ἔρος не встречается определения, уточняющего силу желания или страсти. Исключение — h. Merc. ст. 434, где есть определение ἀμήχανος — «неодолимый», или, если понять ἔρος как «удовольствие», «наслаждение» — «неописуемый», «необычный».

Для Гесиода — ἔρος уже божество, сопровождающее Афродиту вместе с Ἐμμερος (Th. 120, 201); однажды это слово употреблено нарицательно в значении «любовное желание» (ἔρος λυσιμελής Th. 910). Таким образом, у Гесиода ἔρος — только «любовь».

В наших текстах встречается значительное число образований с корнем ἐρα- Отглагольное прилагательное ἐρατός употребляется как определение «привлекательный», «приятный», «любимый», но не прилагается к человеку. В «Илиаде» так определяются δῶρα Ἐφροδίτης (II, 64); в гимнах — страна (h. Ap. 380), родной город (h. Ap. 477), звуки (h. Merc. 421, 426), сделанная Гермесом лира (h. Merc. 153). Средний род прилагательного дважды (h. Merc. 423, 455) употребляется как определение при глаголе κίθαρίζω. У Гесиода в «Теогонии» ἐρατός также служит определением различных понятий: ἐρατός ποῦπος («милый шум» — 70), ἐρατὴ ὕσσα («приятный голос» — 65), ἔργ' ἐρατὰ («приятные нивы» — 879). Дважды встречается в сочетании с существительным φυή — «внешность»: о Керкенде и Эварне сказано φυὴν ἐρατὴ («привлекательная внешность» — 355, 259). Употреблено как определение к Днопе (353), трижды определяет φιλότης в формуле μιγείζ' ἐρατῆ φιλότητι (970, 1009, 1018). Таким образом, у Гесиода можно выделить как бы три слоя употребления ἐρατός: во-первых, в традициях гимнов как определение различных понятий (65, 70, 879); во-вторых, применительно к человеку, к его внешности (353, 259, 355); в-третьих, в формуле как определение φιλότης (970, 1009, 1018), где обозначает «сладостную связь».

Отглагольное прилагательное ἐπῆρατος («приятный», «очаровательный») в поэмах является более употребительным, чем ἐρατός (II. — три, Od. — пять раз); служит определением одежды (Od. VIII, 366), лира (II. IX, 228), пещеры (Od. XIII, 103=347), пастбища (Od. IV, 606), города (II. XVIII, 512; XXII, 121). В гимне Аполлону употребляется как определение страны (521), храма (286) и земли (529), приятных Аполлону. Гесиод употребляет ἐπῆρατος в качестве определения (вещего) голоса (Th. 67), любимого Зевсом острова Эгны (Fr. 205, 4), внешности человека (Op. 63; Fr. 25, 39; 136, 2). В последнем случае ощущается связь с ἔραμαι в значении amor venereus.

Отглагольное прилагательное πολυήρατος характеризует Θήβη (Od. XI, 275), ἄλσος (священную рощу — h. Merc. 186); ἦβη (юношеский возраст, молодость — Od. XV, 366; h. Ven. 225, 274), т. е. возраст, всеми любимый, желанный, вызывающий зависть; является также определением к γάμος (брак — Od. XV, 126) и εὐνή (Od. XXIII, 354). Во всех случаях оно тесно связано с ἔραμαι («желать»), хотя соседство γάμος и εὐνή позволяет предположить связь и с другим значением ἔραμαι — «любить». У Гесиода это прилагательное употребляется аналогично: как определение к ὕδωρ (Op. 739), οὐός (Fr. 305, 1), εἶδος (вид, возбуждающий любовь — Fr. 17a; Th. 908), ἦβη (Fr. 30, 31; 205, 2), εὐνή (Th. 404). Особенно употребительно прилагательное ἐρατεινός (поэмы — 22, гимны — 7 раз). Оно определяет лица, различные предметы и понятия: дочь Елены Гермiona (Od. IV, 13), ровесницы (II. III, 175), Полифем — не желанный для спутников Одиссея (Od. IX, 230), пир, обед (Od. VIII, 61; XX, 117), амброзия (II. XIX, 347, 353; h. Merc. 248), волны (II. XXI, 218), луга (h. Merc. 72), черепаха (h. Merc. 40, 52), доблесть (II. VI, 156), φιλότης (Od. XXIII, 300). Значение — «очаровательный», «приятный», «восхитительный» и потому «желанный». Ясно, что только в сочетании с φιλότης можно усмотреть связь с ἔραμαι, употребляющимся для обозначения чувственной любви, но даже и здесь предпочтительнее рассматривать как «желанная». В 15 случаях из 29 ἐρατεινός характеризует местность, страну (II. III, 401; XVIII, 291; h. Ap. 422 и

т. д.), город ¹³ (II. II, 583; V, 210 и т. д.), и здесь его связь с ἔρος почти не ощущается, разве только в VII песне «Одиссеи», так как раньше мы узнали, что остров Схерия любим богами. У Гесиода это слово служит эпитетом богинь (Th. 136, 909), амбросии (Th. 642).

В гимнах встречается еще прилагательное ἐρῶεις («милый, приятный») как определение черепахи (φύην ἐρῶεσσα — h. Merc. 31), пещеры (h. Ven. 263), цветов (h. Cer. 425), Демо, дочери элевсинского царя Келея (h. Cer. 109), у Гесиода — Океанид (Th. 245, 251, 357). С этим же корнем соединяется и существительное ἐρανος (дружеская пирушка), дважды встречающегося в «Одиссее» (I, 226; XI, 415).

Рассмотрев все образования с корнем ἐρα-, встречающиеся в текстах, мы можем заключить, что первичным значением глагола ἔραμαι является «страстно желать чего-то», из него развивается «страстно желать (кого-то)», «страстно любить (кого-то)». Это полностью относится к ἔρος, причем при ἔρος = «чувственная любовь» генетив для обозначения объекта желания не употребляется. Как бы переходом от конструкции с ἔρος = просто «желание» к ἔρος = amor venereus является его употребление в стихах 315/316 XIV песни «Илиады», где при ἔρος в значении «чувственная любовь» есть генетив θεῶς, γυναικός. Все другие образования от этого корня употребляются Гомером почти всегда вне связи с amor venereus, а Гесиодом, наоборот, чаще в связи с этим значением, что лишний раз свидетельствует о развитии от значения «желать» к значению «любить».

К ἔρος близко по употреблению существительное ἴμερος. Встречается оно в поэмах и гимнах 26 раз, включая повторяющиеся стихи. Основное значение для него — «желание (чего-то)». Чтобы показать возникновение какого-то желания, поэт использует формулы: (ὄφ') ἴμερον ὄρσῃ, ὄφ' ἴμερος ὄρτο; περὶ φρένας ἴμερος αἰρεῖ или γλυκὺς ἴμερος ἦραι. Причем всегда ¹⁴, исключая гимн Гермесу (422 сл.), при этом слове употребляется существительное в генетиве, указывающее объект желания γόοιο ¹⁵ (Od. IV, 113; XVI, 215; II. XXIV, 507 и т. д.), κλαυθμοῦ καὶ στοναχῆς (Od. XXII, 500), μολπῆς γλυκερῆς καὶ ἀμόμονος ὀρχηθμοῖο (Od. XXIII, 144); σίτου (σίτοιο) γλυκεροῖο (II. XI, 89; h. Ar. 461). Интересно употребление ἴμερος в третьей песне «Илиады» (ст. 139—140) — ὡς εἰποῦσα θεὰ γλυκὺν ἴμερον ἔμβαλε θυμῷ ἀνδρός τε προτέρου καὶ ἄστειός τ' ἰδὲ τοκῆων — «так сказала богиня и заронила в душу сладостную тоску по прежнему мужу, городу и родителям», где, по-видимому, это слово имеет значение «тоска», «стремление», развившееся из «желания (чего-то)». Можно даже усмотреть здесь значение «любовь (к чему-то, к кому-то)», т. е. этот случай является как бы переходом к другому значению ἴμερος — «любвное чувство». В этом значении ἴμερος встречается реже («Илиада» — четыре, гимны — шесть раз). ἴμερος либо охватывает кого-то (II. III, 446 = XIV, 328; h. Ven. 57), либо божество (Афродита — h. Ven. 2, 73, 143; Зевс — h. Ven. 45) возбуждает γλυκὺν ἴμερον или вкладывает это чувство в душу (ἔμβαλε θυμῷ). При ἴμερος[в значении «любвное чувство»] никогда не встречается существительное в генетиве, уточняющее это желание, что обязательно при выражении других желаний. В «Илиаде» ἴμερος обязательно употребляется либо в сочетании с ἔραμαι (II, 446; XIV, 328), либо с φιλότις (XIV, 198, 216), что как раз и позволяет уточнить это желание; в гимнах такое сочетание совсем не обязательно. Очевидно, что значение amor venereus развилось из основного значения — «желание (чего-то)» (желание чего-то — желание кого-то — amor venereus), при этом сочетаемость с глаголами αἰρέω, ἐμβάλλω, ὀρῶμαι сохраняется. Для Гесиода (Th. 64, 120, 201). Однажды употреблено в значении «желание» + генетив (опасное плавание — Op. 618).

¹³ Как определение к городу встречается еще ἐρανοός (II. IX, 531, 577; Od. VII, 18).

¹⁴ В «Илиаде» стих 514 песни 24 выпадает из формулы: употреблен глагол ἔρχομαι (ἔλθω ἴμερος) и генетив объекта (γόοιο) приходится привлекать из предыдущего стиха.

¹⁵ Всегда, кроме II. XXIII, 14, предшествует глагол «говорить», т. е. сказал и возбудил желание плакать. (Приам — у Ахилла; Менелай — у Телемаха; Одиссей — у Пенелопы).

У Гомера образованный от ἱμερος глагол ἱμεῖρω имеет значение «желать», «жаждать», при нем обязательно употребляется инфинитив глагола или генетив существительного, уточняющие желание, в том числе и желание «любви» (ἱμεῖραντο παραδραθῆειν φιλότῆτι — II. XIV, 163). У Гесиода же желать (ἱμεῖρω) можно только φιλότῆς (Th. 177; Sc. 31).

Отглагольное прилагательное ἱμερτός — эпитет реки (II. II, 751), луга (h. Cer. 417), кифары (h. Merc. 510), в нем присутствует значение «желанный». Только у Гесиода (Th. 577 — Афина возлагает на голову Пандоре στεφάνους ἱμερτούς) это прилагательное имеет значение «возбуждающий желание» с оттенком чувственной любви, но оно употребляется Гесиодом только один раз.

Значительно более распространено (поэмы — 10, гимны — 10 раз) прилагательное ἱμερῶεις — «приятный», «пленительный», «сладостный». Все эти значения — продолжение значения «желанный». Употребляется в связи с разными понятиями: хор, хоровод (II. XVIII, 603; Od. XVIII, 194; h. Merc. 481), пение (Od. I, 421=XVIII, 304), звуки (h. Merc. 452), запах (h. Merc. 231), брачные дела (ἔργα — II. V, 429) и т. д. Лишь в двух случаях — эпитет Каллипсо (h. Cer. 422) и груди Афродиты (στῆθεα θ' ἱμερόεντα — II III, 397) — можно увидеть связь с ἱμερος = amor venereus, во всех других случаях — только связь со значением «желание». Следовательно, и в группе ἱμερος основное значение — «желание» вообще, из которого развивается употребление ἱμερος для обозначения любовного чувства.

В группе с корнем φιλ — наиболее употребительно φίλος в двух основных значениях — местоименном и адъективном. При этом часто трудно установить, употреблено ли φίλος как местоимение «свой» или же имеет значение «милый», «приятный», «любимый». Несомненно, в местоименном значении употребляется φίλος как определение членов человеческого тела или его органов: рук (χεῖρες — Od. V, 462), сердца (κῆρ — Od. I, 310), души (θυμός — II. XVIII, 113); естественно, в таком значении оно может употребляться и по отношению к врагам (II. V, 155; VII, 271). Для φίλος в качестве прилагательного понятие «свой» сохраняется, но на него накладываются уже другие значения, являющиеся его логическим развитием. Эти значения: 1) «родной, приятный», «желанный» — II. IV, 54; Od. XI, 360 и т. д.; 2) «любимый» — отец¹⁶, брат, сын, родитель, супруг или супруга, друг (II. I, 98; IV, 189; Od. XVIII, 204; XVI, 25; h. Merc. 378 и т. д.); 3) «дружелюбный, дружеский» (II. XIII, 249; Od. IV, 169 и т. д.); 4) «любимый» богами (II. XV, 111; Od. VIII, 284; h. Vea. 195 и т. д.); 5) в безличном употреблении — «приятно», «удовольно»; часто от него зависит инфинитив (II. I, 541; Od. XIII, 335 и т. д.). Лицо, которому приятно, удобно, обозначается дативом.

Фίλος употребляется и как существительное, однако граница между существительным и прилагательным очень зыбкая. Как существительное φίλος имеет те же значения, что и прилагательное: 1) прежде всего обозначает кровных родственников¹⁷, затем близкого человека (II. III, 163; Od. I, 19; h. Ap. 526 и т. п.); 2) «доброжелатель» (Od. XIII, 192; II. XIV, 256 и т. д.); 3) «друг, соратник по борьбе» (II. II, 56), ὦ φίλοι ἦρωες Δαναοί — обращение Агамемнона к войску (II. II, 110); 4) «милый, любимый», как правило, обращение старшего к младшему (II. XXIII, 313; Od. III, 375 и т. д.). Всегда обращено к мужчине¹⁸, лишь Арес однажды обращается к Афродите — φίλη (Od. VIII, 292). Собственно только в этом случае и можно увидеть намек на любовное чувство. Употребление φίλος у Гесиода аналогично гомеровскому. Оно служит определением частей тела (Th. 283; Op. 608). В 10 из 16 случаев обозначает кровного родственника: отца (Th. 398),

¹⁶ Интересно, что у Гесиода говорится об Уране φίλος πατήρ (Th. 180), хотя он, конечно, детям совсем не «милый», не «любимый».

¹⁷ Дирльмайер замечает по этому поводу: «Φίλοι, которые живут в доме, всегда никто иные, как родственники». Fr. D i r l m e i e r, Φίλος und φίλια in vorhellenistischen /Griechentum, München, 1931, стр. 8.

¹⁸ Интересно, что Ахилл, обращаясь к брату Гектора Ликаону, говорит: «Ἀλλά, φίλος, θάναε καὶ σύ» — так, друг, умри и ты (II. XXI, 106). По-видимому, φίλος — просто обращение, независимо от того, в каких отношениях с этим человеком ты находишься.

мать (Th. 932), сына (Th. 472) и т. д.; указывает на человека, угодного богам (Op. 309); употребляется и в значении «дружелюбный», «дружеский» (Op. 370, 713).

Рассмотрев значения φίλος, мы можем, пожалуй, заключить, что все они развиваются из основного, местоименного «свой», так как именно это значение присутствует во всех остальных, хотя отсутствие достаточно аргументированной этимологии не дает нам возможности утверждать это без всяких сомнений. Можно согласиться с Дирльмайером, который утверждает: «Опо (φίλος) выражает как можно более тесные отношения — принадлежность ко мне как собственности..., владение которой не безразлично, наоборот, при этом чувствуют радость: собственная голова, собственная жизнь, затем сфера «Я» расширяется, и ... φίλος обозначает внешние блага жизни (Lebensgüter)»¹⁹.

Отыменный глагол φιλέω встречается в поэмах 79 раз, в гимнах — семь. Шмидт в названной работе указывает, что φιλέω обозначает «различные виды дружественного сближения» (стр. 760). Основным значением, по-видимому, является «владеть с любовью», тесно связанное с основным значением φίλος — «свой», «родной», из которого развились все другие значения. Их выделяется несколько: 1) «владеть с любовью, считать своим, дорожим, благосклонно заботиться» (II. IX, 481; XVIII, 126; Od. XIV, 146 и т. д.). Употребляется для обозначения отношения царя к подданным, родителей к детям, а также Евриклея к Телемаху, Феникса и Ахилла друг к другу. При этом встречаются определения, как бы усиливающие значение глагола: μάλιστα (II. III, 388; Od. VII, 171); περί (II. XIII, 430; Od. XIV, 146), αἰνῶς (Od. I, 264), ἐνδουκίῳς (Od. XIV, 62) ἔξοχα (Od. XV, 70); 2) к первому значению непосредственно примыкает употребление глагола для выражения божественной заботы о смертном (II. II, 197; V, 117 и т. д.; Od. XV, 245; VIII, 481 и т. д.). Любя, боги выделяют человека среди других, покровительствуют ему, либо выручая своего любимца из беды, либо наделяя его властью, богатством, делая его искусным в каком-нибудь ремесле. Направлена эта забота всегда на мужчин, исключая покровительство Афродиты Елене (II. III, 415). Встречается не только в авторской речи, но и в мольбах людей богам. Иногда возможны уточнения, как заботятся, любят: μάλιστα (II. XIV, 491), ἔξοχα (II. V, 61), περί (Od. VIII, 63; XV, 245), ὡς (Od. III, 218), ἀναφανδῶ (Od. III, 221), οὔτως (Od. III, 223), ὁμῶς (II. I, 196); 3) «радушно принимать, оказывать гостеприимство», всегда мужчинам, хотя оказывать его могут и женщины: Елена Гектору (II. VI, 360), Калипсо Одиссею (Od. XII, 450). Это значение является развитием основного: «владеть с любовью» — «благосклонно заботиться» — «благосклонно принимать» — «оказывать гостеприимство». Определения при этом глагол не имеет²⁰, так как он эмоционально окрашен: не просто «принимать», а «радушно, ласково принимать» и, таким образом, является синонимом ἡγαπάω, но ἡγαπάω, как справедливо замечает Шантрэн²¹, «более экспрессивно», этот глагол предполагает скорее внешние проявления чувства — «обнимать», «целовать», φιλέω — «принимать как своего», «усадить за стол», может быть, «одарить». Сюда же следует отнести и употребление глагола в XIV песне «Одиссеи» — οὐ μὲν σχέτλια ἔργα θεῶν μάκαρες φιλέουσι (ст. 83), т. е. «одобрять» (что-то), «благосклонно принимать» — «одобрять»; 4) φιλέω употребляется и для выражения любовного чувства. Словари по Гомеру отмечают такое значение только в четырех случаях²² (II. IX, 450; Od. VIII, 309, 316; XVIII, 325), и везде речь идет о любви как бы незаконной — Афродиты и Ареса; Меланфо, служанки Пенелопы, и Евримаха, одного из женихов; отца Феникса и его наложницы. Причем этот союз обязательно влечет за собой пренебрежение кем-то третьим, кого-то при этом меньше любят или совсем не любят²³.

¹⁹ Dirlmeier, ук. соч., стр. 7.

²⁰ Исключение—Od. XVII, 111.

²¹ H. Chantraine, ук. соч., s. v.

²² Cunliffe, ук. соч., s. v., Эбелинг выделяет только три случая с таким значением (Ebeling, ук. соч., s. v.).

²³ Подобное противопоставление возможно и при других значениях глагола: ἄλλον κ' ἐχθαίρησι βροτῶν, ἄλλον κ' φιλοῖη (Od. IV, 692) — «царь одного из смертных ненавидит, другого любит». Ὅς κ' ἔξοχα μὲν φιλέησιν, ἔξοχα δ' ἐχθαίρησιν (Od. XV, 70—71) — «который чрезмерно любит, чрезмерно ненавидит».

Союз Афродиты и Ареса приносит неприятности Гефесту, так как Афродита его бесчестит (ἀτιμάζει). Отец Феникса любил наложницу и не почитал (ἀτιμάζεισκε — II. IX, 450) супругу. Меланфо любила Евримаху и не заботилась о своей воспитательнице и госпоже Пенелопе (Od. XVIII, 325). Из этого противопоставления, по-видимому, можно сделать вывод, что и это значение глагола происходит из основного — «владеть любовью», «заботиться». Этим же глаголом может быть обозначено и отношение мужа к жене. Ахилл говорит, что не только Атриды любят своих жен, но каждый добрый и разумный муж любит свою жену и заботится о ней (φιλέει καὶ κηδεταί) ²⁴.

По-видимому, главное в отношении к жене — забота, но забота скорее как о всякой своей собственности ²⁵. Поэтому любить кого-то, не принадлежащего тебе по праву, и значит — лишить заботы и любви того, кому они полагаются, так сказать, по закону. Очевидно, для φιλέω это значение непродуктивно: в гимнах и у Гесиода в таком значении глагол не встречается.

Все случаи употребления φιλότης можно разделить на четыре группы: 1) «благосклонность, доброе отношение, привязанность». Это значение вытекает из основного значения φίλος — «свой, родственник», т. е. такой, к которому можно испытывать φιλότης. Возможна благосклонность бога к человеку (Od. X, 43; XV, 246), благосклонность, привязанность человека к человеку (II. III, 453; IX, 630; Od. III, 363; XIV, 505; XV, 197), богов друг к другу (II. XXIV, 111); 2) «примирение, дружелюбие, дружба». Во всех случаях предполагается, что φιλότης сменяет отношения, бывшие до этого враждебными или неприязненными, ахейцев и троянцев (II. III, 73, 94, 323; IV, 16, 83), Ахилла и ахейцев (II. XVI, 282), Гектора и Аякса (II. VII, 302), Одиссея и родственников женихов (Od. XXIV, 476), Аполлона и Гермеса (h. Merc. 507, 524, 575); 3) «гостеприимство». Это значение происходит из первого. Оказывают гостеприимство как людям, с которыми связаны давними узами (Od. XV, 55, 158), так и впервые пришедшим (Od. XV, 537=XVII, 164=XIX, 310); 4) особенно же распространено для обозначения отношений мужчины и женщины (41 случай из 67). Говорится о смертных (Елена — Парис и др.), о боге и смертной, о богине и смертном, о богах и нимфах, о богах; только пять раз не названы конкретные субъект и объект (II. XIII, 636; XIV, 198, 216; XXIV, 130; h. Ven. 133). Во всех этих случаях φιλότης обозначает только физическое сближение, что подчеркивается сочетанием с глаголом μιγνυμι ²⁶ (17 случаев — формульного типа ²⁷), а также с близкими ему по значению глаголами: ἐνύζω (II. III, 441; XIV, 314, 331, 360), καθεύδω (Od. VIII, 313), ὀρίζω (h. Merc. 58), ὀμόω (II. XIV, 209), παραδάρθάνω (II. XIV, 163). Следовательно, φιλότης в этом значении отделилось от других значений этого слова, которые предполагают отношения нравственные, так как они прежде всего предполагают доброе отношение, благосклонность, привязанность. Этот оттенок, если и присутствует в φιλότης, употребляющемся для обозначения физического сближения, то лишь в очень слабой степени. Показателен эпизод из XIV песни «Илиады» (ст. 158—164): Зевс ненавистен Гере (στουγερός), но она решает обольстить его, надеясь, что, усыпив таким образом Зевса, она сможет помочь ахейцам. О том, что φιλότης практически равно concubitus, говорит и сцена объяснения Калипсо с Одиссеем: хотя последний и льет слезы по дому в тоске, после объяснения они удаляются в грот и «наслаждаются любовью» (τερπέσθην φιλότητι — V, 227). Очень красноречиво ложное признание жены

²⁴ Интересно, что свое отношение к Брисеиде он сравнивает с отношением к жене (II. IX, 340—343).

²⁵ Следует иметь в виду, что ахейцы пришли под Трою, как это неоднократно подчеркивается, за Еленой и богатством Менелая. Интересны слова Ахилла в I песне «Илиады» (см. 298—303), где он говорит, что не станет сражаться за пленную деву (и это несмотря на то, что он, как сам признается в IX песне, любил ее, как муж любит жену), богатства же его пусть никто не смеет трогать.

²⁶ μιγνυμι в подобных ситуациях может употребляться и без φιλότης (Od. I, 73; VII, 61; XI, 306; II. XXI, 143 и т. д.). Отличие, очевидно, в том, что при μιγνυμι, без φιλότης речь идет обязательно о рождении ребенка, с φιλότης — чаще о радости, удовольствии.

²⁷ Если μιγνυμι употребляется в аористе, то формула выглядит так: (ἐ)μίγ(ης)ἐντε... φιλότητι καὶ ἐνύη (II. III, 445; VI, 25; Od. V, 126; X, 335; XV, 421; XXIII, 219), если же глагол в другой форме, то ἐνύη опускается (II. II, 232; XXIV, 130).

Прета — ὅς μ' ἔθελεν φιλότῃτι μίγμεναι οὐκ ἔθελοῦση (II. VI, 165), т. е. φιλότῃς возможна и вопреки желанию одной из сторон. Такое же отождествление φιλότῃς с простым физическим сближением и у Геспода, где наряду с формулой с глаголом μίγνυμι распространена другая — с глаголом γεννάω [(ἐ)γένετο ἐν φιλότῃτι — Th. 374, 405, 961 и т. д.]. В нескольких случаях φιλότῃς по значению сближается с ἔρως — «любовная страсть». В XV песне «Одиссеи» после рассказа о рабыне-финикийке, соблазненной моряком (μίγη... εὐνή καὶ φιλότῃτι), идет общее рассуждение — τάτε φρένας ἢπεροπεύει θηλυτέρῃσι γυναῖξι καὶ ἢ κ'εὐεργὸς ἔησιν (421, 422) — «Это обольщает ум слабой женщины, даже если она и добродетельна». Τάτε φρένας ἢπεροπεύει очень близко по смыслу ἔρως φρένας ἀμφεκάλυφεν. Есть еще несколько случаев, где φιλότῃς можно воспринимать подобным образом (II. XIV, 198, 216; h. Ven. 17; h. Ap. 208). Однако эти единичные примеры не дают оснований для утверждения, сделанного Шмидтом, будто у Гомера «φιλότῃς — любовь, которая происходит из сердечной связи» (ук. соч., стр. 764). Против такого толкования свидетельствуют слова Менелая в XIII песне «Илиады» о том, что человек всем насыщается: сном и любовью, сладким пением и пляской (καὶ πάντων κόρος ἐστὶ ὕπνου καὶ φιλότῃτος, μολπῆς τε γλυκερῆς καὶ ἀμόμονος ὄρχηθμοῦ — ст. 636—637). Ему как бы вторит Фетида, когда, спросив Ахилла, почему он печален, не помнит о пище и сне, говорит, предлагая своеобразное утешение: ἀγαθὸν δὲ γυναῖκί περ ἐν φιλότῃτι μίσγασθ⁹ (II. XXIV, 30). Таким образом, φιλότῃς — это такая же жизненная потребность, как сон, пение, пища и т. д., и поэтому никак не отделено от них.

Прилагательное φιλοτήσιος, образованное от φιλότῃς (только однажды — Od. XI, 246), лишний раз подчеркивает это: ἐτέλεσσε θεὸς φιλοτήσια ἔργα, где φιλοτήσια ἔργα = concubitus.

От корня φιλ- в эпическом языке имеется большое число производных, чаще всего прилагательных, из них наиболее употребительны: διήφιλος — любимец Зевса, φιλήρετρος — веселюбивый, φιλοπτόλεμος — воинственный. Во всех образованиях от этого корня присутствует значение «любить», «быть привязанным», но нигде нет и намека на любовное чувство.

Вообще слова с этим корнем самые употребительные из всех рассмотренных групп (около 400 раз), любовное же чувство обозначается в 49 случаях, во всех остальных такого значения усмотреть нельзя. Следовательно, корень несет в себе понятие доброго, «свойского» отношения к чему-то или кому-то, причем это отношение осознанно, оно направлено либо на родственников, членов семьи в широком смысле слова, либо на товарищей по борьбе, либо на оказавшего какую-то услугу. Для этой группы характерно прежде всего то значение, которое отмечает Шмидт у φίλος: «Фίλος обозначает лицо, с которым мы вступаем в разные тесные взаимоотношения, к которому мы привыкли и которое охотно видим» (ук. соч., стр. 760).

Теперь сравним рассмотренные корневые группы. Глаголы ἀγαπάω и ἰμείρω следует исключить, так как у Гомера они не имеют отношения к обозначению любовного чувства. Следовательно, сопоставляем два глагола — ἔραμαι и φιλέω (см. таблицу на стр. 95).

Какие же выводы можно сделать из приведенного сопоставления?

1. У Гомера глагол ἔραμαι наиболее употребителен именно в значении «страстно любить», «стремиться обладать», развившемся из значения «страстно желать», хотя отсутствие достаточно аргументированной этимологии не дает нам возможности утверждать это без всяких сомнений. Для φιλέω это значение одно из многих, к тому же этот глагол в значении amor venereus встречается крайне редко.

2. Ἐραμαι служит для выражения любви чувственной, физической потребности организма, какой-то страсти, даже не обязательно к человеку (Борей — кобылицы). Эта страсть охватывает человека внезапно — увидел и «возлюбил», видимо поэтому преобладает аорист. Чувство это кратковременное²⁸, скорее всего «приступ страсти» и

²⁸ Зевс и Гера, Парис и Елена соединены союзом, но ἔραμαι употреблено только к определенному моменту.

	ἔραμαι	φιλέω
Всего встречается ¹	8 + 3	79 + 7
В том числе обозначает любовное чувство	6 + 1	7 + 0 ²
Время	praesens — 2 + 0 aoristus — 4 + 1	praesens — 3 imperfectum — 3 part. praes. — 1
Лицо	1 л. ед. ч. — 3 + 0 3 л. ед. ч. — 3 + 1	1 л. ед. ч. — 1 3 л. ед. ч. — 4 3 л. мн. ч. — 1
Управление	genetivus — 6 + 0 без дополнения — 0 + 1	accusativus — 5 без дополнения — 2
Субъект	Зевс Парис Гермес Борей Афродита Тиро (женщина)	Меланфо (служанка Пенелопы) Афродита Ампитор (отец Феникса) муж Ахилл Афродита и Арес друг друга
Объект	Гера и смертные Елена Полимела кобылица Алхиз Энипей (бог реки)	Эвримах (один из женихов) Арес наложница жена Брисеида Арес и Афродита друг друга
Наличие θυμός, φρήν, κῆρ	Нет	1 (ἐκ θυμοῦ)
Сопутствующие глаголы	τίκτω — 4 + 0 παραλέγομαι — 3 + 0 ἴμερος εἶλεν — 0 + 1 ἴμερος αἶρετ᾽ — 1 + 0	κεῖμαι — 1 κίδομαι — 1 (подчеркнуто — ἀνήρ ἀγαθός καὶ ἐχέφρων) μίγνυμι — 1 ἀτιμάζω — 2

¹ Первая цифра — в поэмах, вторая — в гимнах.

² φιλέω в словах Ахилла (II, IX, 340—343) включаем в таблицу, хотя здесь и не совсем amor venereus.

³ У Геспода ἔραμαι встречается однажды (Зевс — Мнемозина); φιλέω — в этом значении не встречается.

совершенно не зависит от воли испытывающего эту страсть, поэтому, наверное, и не встречается активная форма. Φιλέω употребляется для обозначения чувства более прочного и длительного, как правило, это союз — явный или тайный. Можно заключить, что тем самым предполагается принятие на себя каких-то обязательств. В φιλέω присутствует элемент более осознанного отношения, оттенок заботы, кроме, может быть, отношений Ареса и Афродиты. Правда, говорить о нравственном содержании любви и здесь нет оснований: только однажды при φιλέω встречается обстоятельство ἐκ θυμοῦ в словах Ахилла о том, что он любил Брисеиду (φιλεῖον), как муж любит свою жену, но

	ἔρωσ		ἡμερος		φιλότης	
Всего	28 + 6		18 + 8		56 + 11	
amor venereus	4 + 3		4 + 6		33 + 8	
Падеж	nom. s.	3 + 2	nom.s.	3 + 1	nom. s.	2 + 0
	dat. s.	1 + 0	acc. s.	1 + 5	gen. s.	6 + 1
	acc. s.	0 + 1			dat. s.	24 + 7
Наличие опре- деления	gen. сущ.	1 + 0	γλυκός	2 + 4	ἔρατεινῆς	1 + 0
	без. опр.	3 + 3	без опр.	2 + 2	κρουπαδίη	1 + 0
					ἑταιρείη	0 + 1
Наличие θυμός, φρήν	θυμός	2 + 0	θυμός	0 + 3	σῆ	0 + 1
	φρήν	2 + 0	φρήν	0 + 1	gen. сущ.	2 + 0
					без опр.	29 + 6
Сопутствующи е глаголы	ἀμφικαλύπτω (nom.)	2 + 0	αἰρέω (nom.)	2 + 1	μίγνυμι (dat.)	13 + 4
	αἰρέω (nom.)	0 + 2	(ἐμ)βάλλω (acc.)	0 + 4	(acc.)	1 + 0
	δαμάζω (nom.)	1 + 0	ἔρнуμι (acc.)	0 + 1	ἐννάζω (dat.)	4 + 0
В каком паде- же при этом употреблено	θέλω (dat.)	1 + 0	δίδωμι (acc.)	1 + 0	τέρπω (gen. dat.)	2 + 0
	πάριμι (acc.)	0 + 1	ἔνειμι (nom.)	1 + 0	αἰδῶ (gen.)	1 + 0
					ἀπέχομαι (gen.)	2 + 0
Субъект и объект	боги	1 + 0	боги	1 + 1	δίδωμι (acc.)	1 + 0
	люди	1 + 0	люди	1 + 0	ἰσχανάω (gen.)	1 + 0
	бог —		бог — смертн.	0 + 4	κόρος ἐστί (gen.)	1 + 0
	смертн.	2 + 2	обобщенно	2 + 0	ἔνειμι (nom.)	1 + 0
	обобщенно	0 + 1	животные	0 + 1	καθεύδω (dat.)	1 + 0
					ὄμῶ (dat.)	1 + 0
					παραδартάνω (dat.)	1 + 0
					παραλέγομαι (dat.)	1 + 0
					πειράω	
					(ἀπειρήτην) (gen.)	0 + 1
Сочетаемость друг с другом	φιλότης	0 + 0	φιλότης	2 + 0	δαμάζω (dat.)	1 + 1
	ἡμερος	0 + 1	ἔρωс	0 + 1	χαίρω (dat.)	1 + 0
			ἔραμαι	2 + 1	ὠρίζω (dat.)	0 + 1
				без глагола (dat.)	0 + 1	
				боги	16 + 5	
				люди	9 + 0	
				бог — смертн.	5 + 2	
				обобщенно	3 + 1	
				ἡμερος	2 + 0	
				ἔρωс	0 + 0	

этот случай нельзя, как мы уже говорили, безоговорочно причислить к amor venereus, да и θυμός, как можно считать установленным, не имеет такого значения, которое мы придаем слову «душа»²⁹.

²⁹ См. В. Н. Я р х о, Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека, ВДИ, 1963, № 2, стр. 46—64.

3. Ἔραμαι не предполагает противопоставления данных отношений субъекта его отношениям к другому лицу. Может показаться, что этому противоречит эпизод из XIV песни «Илиады», где Зевс с поразительной откровенностью перечисляет Гере своих возлюбленных и говорит, что никогда никого так не любил (ἐρασάμην — ст. 317), как любит теперь ее (ὡς σέο νῦν ἔραμαι — ст. 328). Однако свое отношение к Гере и другим богиням и женщинам Зевс обозначает одним и тем же словом — ἔραμαι. Если здесь и есть противопоставление, то скорее силы чувства, а не качества. При φιλέω же этот союз, это чувство противопоставлено другому, кого-то при этом не любят и даже унижают (ἀτιμάζω).

4. За ἔραμαι обычно следует рождение ребенка. Исключение — Зевс и Гера (в XIV песне «Илиады»), Парис и Елена.

5. Ἔραμαι может употребляться для признания объекту страсти.

6. Следовательно, эти глаголы, употребляемые для обозначения чувственной любви, достаточно близки: в обоих можно видеть желание «владеть» (ἔραμαι — «хотеть чего-то — «желать» кого-то, т. е. «желать обладать» кем-то; φιλέω — «владеть с любовью» чем-то и кем-то). Однако они не взаимозаменяемы. Как явствует из изложенного выше, они обозначают различные оттенки чувства. В этой связи очень интересны слова Ахилла в IX песне «Илиады», сказанные им о Брисеиде: καὶ ἐγὼ τὴν ἐκ θυμοῦ φίλειον, δουρικτητὴν περ ἑοῦσαν (ст. 342—343) — «я ее от души любил, хотя она и добыта копьем». Оговорка знаменательная: при ἔραμαι, конечно, не важно, как добыта женщина.

Сопоставим теперь существительные ἔρως, ἦμερος и φιλότης (см. таблицу на стр. 96).

Наше сопоставление приводит к следующему заключению:

1. φιλότης употребляется значительно чаще, как вообще все слова с корнем φιλ-, причем это единственное слово, где значение amor venereus преобладает; правда, почти половина всех случаев употребления φιλότης для обозначения любовного чувства приходится на формулу (гл. μίγνυμι — 17 раз).

2. φιλότης чаще употребляется в косвенных надежах в качестве обстоятельства; ἔρως — преимущественно номинатив, т. е. «страсть» сама охватывает человека.

3. при ἔρως никогда не бывает согласованного определения, так как само слово эмоционально окрашено — «страстное» желание, страсть. Без определения оно как раз и имеет значение amor venereus, в других случаях при нем обязательно несогласованное определение. Φιλότης также в основном употребляется без определения, так как чаще всего является обстоятельством («как» соединились — «любовно»). Те же определения, которые встречаются с φιλότης, только подчеркивают, что φιλότης — это concubitus.

4. Об этом же свидетельствует и отсутствие при нем каких-либо намеков на внутреннее волнение: ни разу не встречается ни θυμός, ни φρήν, ни χῆρ, ни другие слова с близким значением. Эти слова в поэмах употребляются только при ἔρως. Как бы мы ни отделили наше понимание слова «душа» от греческого θυμός, читая в «Илиаде»: οὐ γὰρ πόποτε μὲν ὄδε θεᾶς ἔρος οὐδὲ γυναικὸς θυμόν ἐνὶ στήθεσσι περιπροχυθεὶς ἐδάμασσε (XIV, 315—316) — «Никогда еще любовь к богине или к женщине, разлившись в груди, не смиряла так мне душу», — мы можем предположить какое-то волнение, беспокойство, смирению, потому что ἔρος укрощает человека или бога. Напротив, в гимне Афродиты — οὐδέ ποτ' Ἀρτέμιδα χρυσήλατον κλαδαινὴν δάμνα ἐν φιλότητι φιλομμειδῆς Ἀφροδίτη (16—17) — «И никогда улыбкалюбивая Афродита не подчиняла любви Артемиду, златострелую и шумную», — несмотря на употребление того же глагола, мы такого волнения усмотреть не можем. В гимнах слова θυμός и φρήν употребляются только с ἦμερος как в значении amor venereus, так и в значении «желание» вообще, т. е. в гимнах практически нет разницы в употреблении ἦμερος в смысле «желание» и amor venereus.

5. Ἔρως — страсть, которая внезапно охватывает человека (ἀίρειω), зачаровывает, умирляет душу (θέλω, δαμάζω). Действие ἦμερος в поэмах обозначается также глаголом αἰρέω, в гимнах же оно чаще вкладывается (ἐμβάλλω) в душу, т. е. оно здесь менее активно, чем ἔρως. При φιλότης же преобладают глаголы совсем другого плана, в частности может употребляться глагол τέρω — «наслаждаться», при ἔρως это совершенно исключено.

6. В поэмах ἔρωc употребляется всегда конкретно, ἡμεροc в двух случаях из четырех — обобщенно (без указания персон), φιλότηc же только трижды из 33 — обобщенно, причем дважды вместе с ἡμεροc.

7. По-видимому, нашему слову «любовь» из слов, употребляющихся у Гомера, ближе всего ἔρωc, хотя они и страшно далеки друг от друга.

Исследовав свойственные эпосу лексические возможности для выражения любовного чувства, рассмотрим, как они используются. Естественно, что основное внимание следует уделить отношениям Зевса и Геры, Париса и Елены, Одиссея и Пенелопы, Гектора и Андромахи, т. е. супружеских пар, о которых по самому содержанию поэм нам известно больше, чем о других.

Чувства Зевса (II. XIV) и Париса (II. III) выражаются почти одинаково: ἄγ', ἐν φιλότῃ τραπέομεν εὐνηθέντε (II. III.441=XIV, 314), οὐ γὰρ πόποτ' ἔρωc οὐδέ γυναικὸc θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι περιπροχυθεὶς ἐδάμασσεν (Зевс — II. XIV, 315—316), οὐ γὰρ πόποτ' ἔρωc φρένας ἀμφεκάλυψεν (Парис — II. III, 442), ὡc σέο νῦν ἔραμαι καὶ με γλυκὺc ἡμεροc αἶρεῖ (II. III, 446; XIV, 328). Эти же выражения с небольшими изменениями встречаются и в других случаях, т. е. для поэта нет различия в «любви» разных героев, что и находит выражение в одинаковых формулах³⁰.

Мужская половина принимает ἔρωc охотно, женская же, даже сама Афродита, боится его. Хотя чувство Зевса и Париса не раскрыто³¹, оно, однако, названо ἔρωc³², о чувствах Геры и Елены приходится судить на основании косвенных свидетельств, так как их чувства прямо не названы. Мы можем заключить, что никакой любви к Зевсу у Геры нет, она использует ἔρωc только для того, чтобы, усынив Зевса, помочь ахейцам. Чувства Елены более разнообразны и тонки. Она сокрушается, что покинула дом, ребенка, говорит, что лучше бы ей умереть (II. III, 172—180), называет себя κλυῶπιc (Od. IV, 145)³³. Сообщение Ириды о поединке Менелая и Париса пробуждает в ней тоску по прежнему мужу, городу, родителям (II. III, 139—140). Несколько позднее сообщение Афродиты, являющейся к Елене под видом пряхи, что Парис ждет ее в опочивальне, сияя лицом и одеждой (II. III, 392), повергает в волнение ее душу (τῇ δ' ἄρα θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι δρiven — III, 395), однако, узнав богиню, Елена сильно поражена и обращается к ней с пылкой речью. Эту речь мы можем рассматривать как попытку человека бороться с охватывающей его страстью, бунт против власти Кинриды, которой Елена предлагает, покинув Олимп, угождать Парису, быть ему женой или рабой (399—412). Но угроза Афродиты обратить на нее ненависть и данайцев, и троянцев смиряет Елену. Следовательно, мы можем догадываться³⁴ о какой-то внутренней борьбе в душе Елены: вернуться ли ей к прежнему мужу или подчиниться страсти. Однако после всех возражений, после упреков Парису в трусости Елена все-таки следует за ним, подчиняясь ἔρωc, охватившему Париса.

О д и с с е й и П е н е л о п а. Принято считать, что Одиссей и Пенелопа очень любят друг друга, но «мы только догадываемся об этой любви, только предполагаем ее по всей ситуации соответствующих событий»³⁵. Известные нам слова, обозначающие любовное чувство, для характеристики отношений Одиссея и Пенелопы не употребля-

³⁰ «Эпос всегда славился как примат общего над индивидуальным». А. Февского мышления и принципы эпической характеристики предметов и явлений, в сб. «Античность и современность», М., 1972, стр. 215—222.

³¹ А. Ф. Лосев по этому поводу замечает: «Парис любит Елену, оттого он ее и похитил, из-за этого и началась война. Это известно, но как именно он ее любит, об этом ничего не известно» (ук. соч., стр. 145).

³² ἔρωc, собственно, и употребляется только для обозначения чувства мужчины.

³³ Правда, винит она в своем отъезде Афродиту, но это уже особенность эпоса — эмоции людей изображать как результат воздействия богов.

³⁴ Справедливо замечание В. Н. Ярхо: «Психологическим анализом Гомер не владеет» (Проблемы ответственности и внутренний мир гомеровского человека, ВДИ, 1963, № 2, стр. 48). К этому следует прибавить замечание А. Ф. Лосева: «Конечно, в пределах эпоса психология никогда не может развиваться в качестве вполне свободной и самостоятельной области» (ук. соч., стр. 149).

³⁵ Лосев, ук. соч., стр. 145.

ются: нет ни ἔραμαι, ни ἔρωσ, ни ἡμερος, ни φιλέω. Только однажды автор употребляет φιλότης — τῷ δ' ἐπεὶ οὖν φιλότητος ἐταρπήτην ἐρατεινῆς τερπέσθην μύθοισι πρὸς ἀλλήλους ἐνέποντε — «после того как насладились желанной любовью, наслаждались беседой друг с другом» (Od. XXIII, 300—301). Но мы знаем, что φιλότης у Гомера в подавляющем большинстве случаев служит для обозначения физического сближения. Интересно сопоставить эти стихи с теми из V песни «Одиссея», где говорится об Одиссее и Калипсо: ἐλθόντες δ' ἄρα τῶγε μυχῷ σπείους γλαφυροῖο τερπέσθην φιλότητι παρ' ἀλλήλοισι μένοντες (226—227) — «удалившись в глубокую пещеру, насладились любовью, оставаясь друг подле друга», т. е. Одиссей так же наслаждается близостью Пенелопы, как и Калипсо; однако можно усмотреть и различие: для Одиссея близость с Пенелопой желанна (ἐρατεινῆ), к тому же с Пенелопой они еще и «собеседуют», получая от этого удовольствие. Кроме φιλότης встречается еще φίλος (Пенелопа ποθέουσα νόστιος φίλου XVIII, 204), однако оно, как мы знаем, может значить как «милый», так и просто «свой»; кроме того, Одиссей называет ложе πολυήρατος — «очень желанным» (XXIII, 354). Больше никаких слов из рассмотренных нами групп не встречается.

Конечно, Одиссей стремится домой, но именно *домой*, к своим (φίλους), в том числе и к Пенелопе. Собственно лишь Калипсо подозревает в желании Одиссея вернуться домой его стремление к жене, все остальные и он сам объясняют это только тоской по родине. Так, Афина в собрании богов говорит, что Одиссей хочет увидеть хотя бы дым родной земли (καπνὸν ἀποθρώσκοντα νοῆσαι ἧς γαίης — I, 58—59), Гермес объясняет Калипсо, что Одиссею суждено увидеть близких (φίλους — V, 114); сам Одиссей в VII песне признает, что хочет видеть владения (κτῆσιν), домашних (δμῶας), высокий большой дом (ὕψερες μέγα δῶμα — ст. 225). Объясняя Алкиною, почему ни Калипсо, ни Кирка не смогли склонить его остаться с ними, Одиссей заявляет, что не знает земли лучше Итаки (IX, 27—28), а дальше размышляет: οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος οὐδὲ τοκῆων γίγνεται εἰ περ καὶ τις ἀπόπροθι πίονα οἶκον γαίῃ ἐν ἀλλοδαπῇ ναίει ἀπάνευθε τοκῆων (IX, 34—36) — «Нет ничего приятнее родины и родителей, даже если кто и богато живет на чужой земле далеко от родителей». Итак, он стремится домой, к родителям, и то, что потом выразит словами «ubi bene, ibi patria», для него неприемлемо. Правда, Евстафий замечает, что Одиссей о стремлении видеть жену, о тоске своей не говорит, щадя (θεραπέων) Калипсо³⁶. Но о своей любви к Пенелопе Одиссей нигде, никому и никогда не говорит, даже ей самой. Логично предположить, что это чувство, даже если оно и присутствует Одиссею, не стало еще для автора поэмы³⁷ предметом изображения. После многолетней разлуки Одиссей, наконец, видит Пенелопу, но мы не замечаем никаких проявлений его чувства к ней, между тем как, узнав Итаку, он бросился целовать землю (XIII, 354), т. е. радость Одиссея при встрече с родной желанной землей передана в свойственной эпосу манере через физические действия. Отношение Одиссея к Пенелопе такого выражения не находит.

О чувствах Пенелопы мы можем судить с большей долей вероятности из ее слов и действий. Трижды (Od. XVIII, 180, 181, 251—253 = XIX, 124—126) Пенелопа жалуется, что ее красоту боги погубили, когда Одиссей отплыл в Трою, и теперь тоска по нему терзает ее сердце (XIX, 136). Она не хочет выбирать никого из женихов, так как тоскует, страстно ждет (ποθέουσα)³⁸ одного Одиссея, хотя и колеблется при этом, хранить ли дом, ложе Одиссея и уважать молву или выйти замуж (XIX, 525—529). Увидев Одиссея во сне и решив, что это наяву, Пенелопа обрадовалась (ἐμὸν κῆρ χαίρει) — XX, 89—90), а узнав о его возвращении, она вскочила, обняла Евриклею и заплакала (XXIII, 32—33). Когда Одиссей раскрывает секрет ложа, у Пенелопы подкосились колени и ос-

³⁶ E u s t a t h i u s, Commentarii ad Homeri Odysseam et Iliadem, I, Lipsiae, 1825—1830, стр. 209.

³⁷ Характерно, что и другим героям не свойственно рассказывать кому бы то ни было о своей любви к женщине. Не составляет исключения и Ахилл, говорящий о себе и Брисеиде, ибо в разобранных выше стихах (Il. IX, 340—343) φιλέω скорее всего не обозначает чувственную любовь.

³⁸ Так же говорится о жене Дномеда (Il. V, 414).

лабло сердце (τῆς δ' αὐτοῦ λῦτο γούνατα καὶ φίλον ἦτορ — XXIII, 205), что является у Гомера выражением сильного волнения³⁹. Признав после этого Одиссея, Пенелопа целует его, не хочет отнять рук от его шеи (XXIII, 240). Таким образом, для изображения душевного состояния Пенелопы Гомер пользуется и внешними симптомами, и ее собственными высказываниями. Однако чувство, которое испытывает Пенелопа, не характеризуется как ἔρωσ; скорее она ждет Одиссея как хозяина дома, как покровителя, до прибытия которого она должна беречь дом. Недаром и Агамемнон, узнав в преисподней о событиях на Итаке, восхваляет Пенелопу за ее ἀρετή — добродетель, употребляя понятие из области этических норм, а не эмоций.

Гектор и Андромаха. Отношения Гектора и Андромахи передаются удивительно целомудренно: никаких ἔρωσ, ἔραμαι и уж тем более φιλότης. Характеристика Андромахи как ἀλοχος φίλη (II, VI, 366), разумеется, ни о чем не говорит, так как обозначает просто «своя» жена. Обращение же к ней самого Гектора δαιμονίη (VI, 486) — более личное, сочувственное, хотя так же обращается и Приам к Геккубе, собираясь ехать в ахейский лагерь (XXIV, 194).

Что касается самой Андромахи, то, прося Гектора не участвовать в сражении⁴⁰, она не говорит ни слова о своей любви, а только о том, что потеряла всех родных и теперь Гектор для нее остался и отцом, и братом, и матерью, и супругом. Если она теряет и его, то «лучше ей в землю сойти, так как не будет никакого утешения» (VI, 410—412, 429 сл.). В первом плаче по Гектору Андромаха также ничего не говорит о своих чувствах, а оплакивает свою и его печальную долю; печалится о судьбе сына, оставшегося без защитника (XXII, 477—514). Таким образом, из этого плача трудно извлечь что-либо, говорящее о любви Андромахи к Гектору — она оплакивает его как своего покровителя, защитника, а не как любимого⁴¹.

При всем том отношения Гектора и Андромахи представляют нечто отличное от обычной характеристики супружеской пары. Так, узнав, что ахейцы теснят троянцев, Андромаха побежала к городской стене, как безумная (μανομένη εἰκούσα — VI, 389), увидев, как кони Ахилла волокут тело Гектора, упала без чувств (XXII, 466—467). Современный читатель видит здесь проявление ее любви к мужу, однако так она могла выразить отчаяние из-за потери защитника, ужас перед своей будущей печальной судьбой. Более определенно выражается ее отношение к Гектору в следующих словах из второго плача (XXIV, 742—745):

Ἔκτορ, ἐμοὶ δὲ μάλιστα λελαίψεται ἄλγεα λυγρὰ
 Οὐ γάρ μοι θνήσκων λεχέων ἐκ χεῖρας ὄρεξας,
 Οὐδέ τί μοι εἶπες πυκινὸν ἔπος, οὐδέ τί κεν αἰεὶ
 μεμνήμην νόκτας τε καὶ ἤματα δάκρυ χέουσα.

— «Гектор, мне же остались особенно тяжкие муки, ведь, умирая, ты не протянул мне с ложа руки и не сказал мне разумного слова, которое я помнила бы, дни и ночи обливаясь слезами». Здесь уже плач не о защитнике, а о человеке, которого будут помнить. Следует сопоставить эти слова Андромахи со словами Пенелопы —

τῷ κεν ἄμ' ἐσποίμην νοσφισσαμένη τόδε ὄϊμα
 κουρίδιον, μάλα καλόν, ἐνὶ πλεῖστον βιότοιο.
 τοῦ ποτὲ μεμνήσθαι ὄϊομαι ἐν περ ὀνείροφ.

— «За тем я последую, покинув этот супружеский дом, очень красивый, полный богатств, о котором, я думаю, буду вспоминать во сне» (Od. XIX, 579—581=XXI, 77—79). Здесь речь идет только о доме. Гектор также выражает свое отношение к Андромахе

³⁹ См. Od. IV, 703 — Пенелопа узнала о замысле женихов убить Телемаха; Od. XVIII, 212 — женихи увидели Пенелопу, здесь нет φίλον ἦτορ, но есть ἔρω δ' ἄρα θυμὸν ἐθέλχθην; Od. XXIV, 345 — Лаэрт узнал Одиссея.

⁴⁰ Макс Трой по этому поводу замечает: «Андромаха не жена героя, как германская — в сагах, или Елена, которая посылает своего мужа в бой» (M. T r e u, Von Homer zur Lyrik, Münster, 1955, стр. 147).

⁴¹ Отсутствие слов «любовь», «любимый», «любить», конечно, еще не говорит об отсутствии любви; в конце концов, в письме Татьяны к Онегину только раз встречается слово «любовь», хотя все письмо пронизано этим чувством.

весьма определенно, когда признается, что больше всего его заботит не горе матери и отца, братьев и сестер, а то, что Андромахе в плен уведет меднолатый ахеец, будет она, невольница, ткать и воду носить чужеземке (II. VI, 450—458). Отсюда мы можем заключить, что Андромаха для Гектора ближе всех окружающих людей, т. е. она не в числе домашних (φίλοι), как Пенелопа для Одиссея, а выделена из их среды ⁴². Таким образом у нас есть некоторые основания говорить о любви Гектора и Андромахи. Отношения этой пары отличаются от отношений Одиссея и Пенелопы, их связывает не только дом, хозяйство, но и что-то другое, хотя это «другое» Гомер еще не умеет обозначить, так как это не ἔρωc в привычном для него смысле слова.

Очевидно, чувства, связывающие мужа и жену, не те, что соединяют возлюбленных. Для жены важна уже не только красота супруга, но и какие-то его внутренние качества. Елена хочет иметь лучшего, чем Парис мужа, который бы стыдился людской молвы (ὅc ἤδη νέμεσιν τε καὶ αἰσχρα πόλλ' ἀνθρώπων — VI, 351), побуждает Париса вступить в бой, упрекает за прежние хвастливые речи (II. III, 428—436). Следует обратить внимание на слова Андромахи: ἐπεὶ οὐποτ' ἐνὶ πλῆθει μένεν ἄνδρῶν, ἀλλὰ πολὺ προθέεσκε, τὸ δὲν μένος οὐδενὶ εἶχον — «... никогда не остается в толпе мужчин, но далеко вперед бежит, никому не уступая в храбрости» (II. XXII, 458—459), в которых звучит, пожалуй, гордость за Гектора. Подобное же чувство мы можем усмотреть и в словах Пенелопы: πόσιν ἐσθλὸν ἀπόλεσα θυμολέοντα, παντοίησιν ἀρετῆσι κεχασμένον ἐν Δαναοῖσιν — «потеряла славного мужа, храброго, как лев, отмеченного среди данайцев всяческой доблестью» (Od. IV, 724—725). Однако супружескую любовь Гомер еще никак не называет. Есть только одна попытка как-то обозначить это чувство — слова Ахилла в IX песне «Илиады» о добром и благоразумном муже, который любит (φιλεῖ) и заботится о своей жене (ст. 341—342).

Несомненно, для Гомера любовь (ἔρωc) и брак — не одно и то же, но разные категории. Брак — категория экономическая, династическая ⁴³, выбор делают родители ⁴⁴. Эмиль Миро справедливо замечает, что семья по своему происхождению есть «гарантия уважения супруги и матери семейства и, в случае надобности, ее власти» ⁴⁵. Ревность как будто неизвестна. В поэмах нет даже слова для выражения этого понятия. Несколько раз в «Илиаде» говорится о ненависти Геры к Гераклу, но ни разу не объясняется причина ее. Зевс сам перечисляет Гере своих возлюбленных и родившихся от них детей, она же на это никак не реагирует, так что следует согласиться с Шмидтом, когда он утверждает, что мир напрасно приписывает Гере ревность ⁴⁶. Парис тоже не ревнует Елену к Менелая, хотя, казалось бы, повод есть: Елена упрекает его в трусости и превозносит храбрость Менелая (II. III, 428—436), да и Менелай нигде не выражает своей ревности. Только в Гимне Аполлону однажды употреблено слово ζήλοc, которое можно переводить как «ревность», но можно понять и как «зависть», так как у Лето родится такой сын, как Аполлон. Современный читатель склонен, может быть, усмотреть ревность в двух случаях: мать Феникса, желая отомстить мужу, убеждает Феникса вступить в связь с избранницей отца (II. IX, 451—452); Лаэрт не коснулся Евриклея, опасаясь супруги. Однако в первом случае речь идет скорее о реакции на оскорбление, во втором же — прямо сказано, что Лаэрт боялся гнева (χόλοc — I, 433) своей супруги, т. е. ревность, даже если она здесь и присутствует, поэтом не названа.

Итак, русским словом «любовь» в гомеровских текстах переводят слова ἔρωc и φιλοῦται. Φιλοῦται наиболее часто встречающееся для обозначения отношений мужчины

⁴² Р. Шерер справедливо замечает: «Андромаха в его жизни самое уязвимое место (le point sensible), как Патрокл в жизни Ахилла» (R. Schaefer, L'homme antique, P., 1958, стр. 35).

⁴³ Это наблюдается у многих народов. «Сюжет женитьбы героя необычайно характерен для сербского эпоса; видимо, потому, что женитьба представлялась событием большой важности и не столько в личной жизни князя или воеводы, сколько в жизни всего королевства или воеводства, так как женитьба феодала всегда была связана с каким-нибудь расчетом, экономической или политической выгодой» (Сербский эпос, 1933, статья Н. Кравцова, стр. 127).

⁴⁴ Ахилл в IX песне говорит, что отец подберет ему невесту из ахейской знати.

⁴⁵ E. Mireaux, La vie quotidienne au temps d'Homère, P., 1954, стр. 214.

⁴⁶ L. Schmidt, Die Ethik der alten Griechen, B., 1882, стр. 194.

и женщины, характеризует, как правило, просто физическую связь. 'Ερως, встречающаяся значительно реже, служит для обозначения сильного чувства (Зевс — Гера; Парис — Елена; женихи — Пенелопа; Анхиз — Афродита), для обозначения отношений мужа и жены не употребляется, кроме пары Зевс — Гера, но в этом случае речь идет не вообще об отношениях Зевса и Геры, а употребляется только при определенных обстоятельствах. Во всех случаях это огромная сила, которую насылает Афродита или Зевс (только однажды — *h. Ven.* 145). Сила эта не подвластна не только смертным⁴⁷, но даже и богам: Зевс, да и сама Афродита испытали на себе силу этой страсти. 'Ερως туманит разум и часто несет бедствия: страсть Париса — троянцам, ахейцам и ему самому; страсть женихов — сначала дому Одиссея, потом и им самим; страсть Зевса — троянцам (Гера, усыпив Зевса, помогает ахейцам). В «Илиаде» Афродита воспринимается как олицетворение этой страсти, как стихийная сила; в «Одиссее» же она низведена на уровень простой смертной женщины, попавшей в неловкое положение. В гимне Афродите она представляется одновременно как символ могучей власти над всем живым миром и как жертва своей божественной природы⁴⁸. Гимн особенно ярко показывает силу эроса, говоря о страданиях самой Афродиты. Богиня хотела бы его избегнуть, но *κατερή δέ μοι ἔπλετο ἀνάγκη* (130), она называет сына Энеем, так как была в тяжелом горе, попал в объятия смертного (*τῷ δὲ καὶ Αἰνείας ὄνομ' ἔσσεται, οὐνεκα μ' αἰνὸν ἔσχευάχος ἔνεκα βροτοῦ ἀνέρος ἔμπεσον εὐνή—198—199*). Страсть овладела ею, и разум ее заблудился *ἔνεκα βροτοῦ ἀνέρος ἔμπεσον εὐνή—198—199*). Высшей точки страсть достигает у Анхиза — он готов умереть за любовь Афродиты (*h. Ven.* 153—154). Здесь как бы перебрасывается мостик к романтической любви более позднего времени.

II. P. Шопина

WORDS FOR 'LOVE' IN THE HOMERIC EPOS

by N. P. Shopina

There has so far been no systematic study of the words used in the Homeric poems to denote the love-emotion. The author investigates the semantics of these words, how they are combined with one another and with words connoting emotional agitation, and the incidence of their occurrence. The study covers, besides the epos itself, the Homeric Hymns and the works of Hesiod. To express the love-emotion Homer uses the nouns ἔρωσ, ἔμερος and φιλότης and the verbs ἔραμαι and φιλέω. The noun most often found is φιλότης, whose meaning in this context is very close to that of the Latin *concupitus*. It most often appears in the oblique cases indicating circumstance. 'Desire' is expressed by ἔμερος, which is usually found in combination with ἔρωσ and φιλότης. For 'passion', 'passionate attraction' ἔρωσ is used, and the agitation accompanying this feeling is invariably expressed either by θυμός or by φρήν. Of all these words ἔρωσ comes closest to the Russian любовь. The verb ἔραμαι is used mostly to express sensual love, physical longing, the sudden onslaught of passion. The verb φιλέω denotes friendliness, an attitude of benevolent protectiveness. It is seldom used to express sensual love; when it is so used it suggests that the feeling has an illicit quality, and at the same time, that some other person is not loved, is even subjected to humiliation. This verb implies the assumption of some sort of moral obligation, an alliance, open or secret, while ἔραμαι denotes a momentary passion. None of these words is used of the relations between Hector and Andromache, Odysseus and Penelope—pairs which came to symbolise married love and constancy. Thus for Homer the relations between husband and wife are not founded on the *eros* with which he is familiar. And *eros* itself he treats without psychological depth or discrimination. The emotion is described in much the same way whether it is attributed to Zeus or to Paris or indeed to any of the other heroes, with only minor modifications. It is not at all a romantic feeling, except perhaps in Anchises, who is ready to die for love of Aphrodite.

⁴⁷ Пенелопа говорит, что Елена последовала за Парисом потому, что ее склонил бог, которого она не называет (*Od.* XXIII, 222, 223). Приам не обвиняет Елену в несчастиях Трои, так как считает виновными в этом богов (*Il.* III, 164). Сама Елена признает, что покинула родину, дочь, чертог и мужа из-за Афродиты (*Od.* IV, 261—263).

⁴⁸ См. P o d b i e l s k i, укр. соч., стр. 98.